

Иногда балансировка заключалась кадансом, не нарушавшим бинарности, так как третье не было равноправным с первыми двумя, а как бы подчеркивало их единство. В качестве примера такой балансировки приведу отрывок из поучения св. Стефана: «Не имей дружбы с женою, да не сгориши огнем ея. Не имей дружбы с малым детищем, да не впадеша в сеть с ним. Не имей дружбы со старейшим своим, токмо слушай словеса его, а по делом его не твори. Не возлюби ити во град, ни рцы, яко чисто ми есть око, сотвориши бо е неприязни. Не пий вина, да не сотворит ти сердца осквернена в сластех похотных.

«Не яждь дважды днем, да не утолстеет ти плоть, и укореняться мысли...» и т. д.²⁸

Бинарные построения повели за собой возникновение морфологической рифмы: сперва спонтанной, а затем и сознательно вводимой в ткань прозы.

Мы не затронули и малой доли тех сложных вопросов, которые встают и встают по мере того, как тема абстрагирования привлекает внимание исследователя.

Об элементах реалистичности в древнерусской литературе

В пестром художественном многообразии древнерусской литературы имеется группа явлений, занимающих своеобразное место в общем «ансамблевом строении» ее художественных методов.

Мы видели выше, что в древнерусской литературе преобладает стремление к трафарету, к устойчивым словосочетаниям, к тем художественным методам, которые диктуются общими задачами, к художественному абстрагированию действительности. Однако среди этих трафаретных сочетаний и абстрагирующих приемов встречаются и такие, которые обращают на себя внимание своей близостью к художественным приемам нового времени: при общем стремлении к художественному обобщению и при отсутствии детализации вдруг вводится в описание художественная деталь, позволяющая наглядно представить себе описываемое; среди метафор-символов средневекового типа появляются и метафоры, помогающие конкретно изобразить явление; человек описывается не только в своих «идеальных» чертах, но и во вполне земных; в описываемом герое мы можем иногда узнать реальных людей с живыми человеческими слабостями и достоинствами; наряду с идеалистическими объяснениями событий встречаются и вполне реальные объяснения и т. д.

И. Некрасов говорил когда-то о реализме древнерусской литературы в целом: «... наш древний писатель был в полном смысле реалист. Произведениями своими он положил начало натуральной школе в поэтических произведениях нашей литературы».²⁹

Новейшие исследователи так вопрос не ставят. Ни о каком реализме в древнерусской литературе в собственном смысле этого слова речь сейчас идти не может. Это объясняется тем, что представления о реализме (а тем более о натуральной школе) приобрели в современном советском литературоведении гораздо более четкие формы и исторические координаты, чем

²⁸ А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, ч. 1. СПб., 1896, стр. 78.

²⁹ И. Некрасов. Древнерусский литератор. — Беседы в Обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете, вып. 1. М., 1867, стр. 48.